

Отзыв

официального оппонента о диссертации в форме монографии А. П. Дмитриева «Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850 – 1880-х годов», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Существуют несловарные, но привычные в филологическом кругу понятия: *пушкинодомская школа, пушкинодомский ученый* (как-то два коллеги дружески поспорили, был ли таковым всю жизнь проработавший здесь В. И. Вацуро), *пушкинодомская работа, пушкинодомское издание*. Образцом этого рода, помимо академических Собраний сочинений, можно считать публикации Отдела древнерусской литературы. Типичной работой жанра является диссертация/монография об одном произведении, в которой на конкретном и вполне обозримом материале строится фундаментальное исследование, включающее изучение всех списков «памятника», его ближайшие и далекие контексты, контактные и генетические связи, на конец, место в литературной истории.

А. П. Дмитриев служит в другом отделе и занимается другой эпохой, но его работу я определил бы как почти идеальный образец пушкинодомского жанра – с поправкой на то, что основой, точкой отсчета оказывается здесь не памятник, а человек.

Сравнить исходную и нынешнюю ситуацию не только в изучении, но просто в эмпирическом знании жизни и творчества Н. П. Гилярова-Платонова достаточно легко.

В приложении к полторастраничной статье о «публицисте, философе, писателе» в словаре «Русские писатели» (Т. 1. М., 1989. С. 651 – 663) приводится полтора десятка журнальных публикаций.

В основе работы А. П. Дмитриева – монография объемом 57 а. л. Половина ее – архивные публикации переписки Гилярова-Платонова и переписки его учеников и почитателей. Это ближний контекст. Но кроме этого в списке публикаций диссертационного автореферата – 20 (!) книг, подготовленных диссертантом в одиночестве и/или в соавторстве и 70 разнообразных публикаций.

В монографии собран и систематизирован огромный эмпирический материал. Хотя А. П. Дмитриев, как и положено, с благодарностью упоминает предшественников и коллег-современников, егс, мне кажется, можно назвать главным специалистом в исследовании жизни и творчества избранного героя.

Структура монографии, представленной на соискание ученой степени, вполне традиционна и отвечает критериям публицистического жанра: первая часть представляет «очерк научной биографии» Гилярова, вторая посвящена ему как публицисту и журналисту, третья – его мемуаристике и литературной критике.

Первая часть монографии/диссертации – чисто хронологическая. А. П. Дмитриев последовательно и подробно, используя как мемуарную книгу самого героя, так и многочисленные опубликованные и неопубликованные материалы излагает биографию героя – с рождения и обучения в Московской семинарии до внезапной – и довольно ранней – смерти в петербургской гостинице и похорон в Новодевичьем монастыре.

Важный акцент есть в заголовке этой части: «Жизнь и служение...». Биографию своего героя А. П. Дмитриев рассматривает как религиозное и общественное служение, осуществление нравственной задачи, реализацию, видимо, Богом заданного смысла.

<Гиляров> «...с головой ушел в сугубо прагматическую деятельность, которую понимал как честное служение отечеству и русскому народу» (С. 252).

«...свою публицистическую деятельность Гиляров расценивал как Служение, всяческое содействие которому искренне считал благодеянием не себе лично, а общенациональному делу (С. 263).

Хотя публикуемые А.П. Дмитриевым материалы показывают, что Гиляров не избежал драмы судьбы (свойственной к примеру и Л. Толстому): его семейная жизнь оказалась весьма далека от пропагандируемых им идеалов.

Во второй и третьей части структура работы меняется. Издатель Гоголя и подцензурный клиент Гилярова П. А. Кулиш писал Гилярову: ««Прежде всего скажу, что Вы удивительный человек и что <...> такие люди существуют только у Плутарха <...>» (С. 6).

Сознательно или нет, во второй и третьей частях работы А. П. Дмитриев выбирает Плутархов метод сравнительного жизнеописания. Естественно, первый член сопоставления остается неизменным. Вторым же членом оппозиции оказываются около двадцати персонажей избранной эпохи - от первых лиц русской литературы (Л. Толстой, Островский, Лесков, Вл. Соловьев) до публицистов разных направлений (И. С. Аксаков и К. С. Аксаковы, Катков, Победоносцев) и совсем экзотических фигур (И.-К. Блюнчли, А. В. Думашевский, И. Ф. Романов-Рцы).

Сюжет *служения* сменяется в этих частях диалектикой *отношений*. Причем привычные историко-литературные представления и масштабы приобретают в исследовании А. П. Дмитриева неожиданный характер.

Гиляров оказывается благожелательным аналитиком педагогических идей Л. Толстого (А. П. Дмитриев атрибутирует ему «Мнение о "Ясной Поляне", педагогическом журнале, издаваемом графом Л. Н. Толстым», ранее приписываемое другим авторам), но непримиримым критиком его «Исповеди».

Одним из важных персонажей в жизни Гилярова представлен К. П. Победоносцев (см далее), а гиляровский некролог Каткову, по мысли Дмитриева, оказывается самой объективной оценкой неоднозначного публициста, данной вопреки сложной истории их предшествующих отношений.

Хочу еще раз подчеркнуть, что большинство глав диссертации А. П. Дмитриева строится на основе либо впервые вводимых, либо крайне редко используемых материалов.

Пафос работы А. П. Дмитриева можно передать известной метафорой «Усилые Воскресенья» - воскресения незаурядной личности Н. П. Гилярова-Платонова.

Проблемы и моя дружеская полемика то же отчасти связана с этой установкой.

Говоря о созданном Гиляровым образе митрополита Филарета, диссертант находит в нем «элементы агиографического творчества нового типа» (С. 39). Эту формулу с некоторыми коррективами можно применить и к автору диссертации.

Во-первых, мне кажется, А. П. Дмитриев, увлеченный своим героем, преувеличивает его масштаб. Уже на первой странице, со ссылкой на одного из современников появляется определение «гений-энциклопедист» и со ссылкой на другого – о данных ему Богом «двадцати, тридцати и даже более талантах». Чуть далее третий сравнивает Гилярова с Ломоносовым.

И автор диссертации, в общем, следует именно таким суждениям, в начале работы обнаруживая в деятельности Гилярова «нечто возрожденческое» (С. 5), а в конце относит «незаурядного русского мыслителя» (С. 408) к числу «наиболее востребованных и глубокомысленных пророков и мыслителей России» (С. 467). Причем такая оценка кажется диссертанту «самоочевидной».

С этим трудно согласиться. Панегирики, объясняемые либо их некроложным характером, либо близостью субъекта и объекта (учитель – ученик), между прочим, корректируются и в самой работе, где приводятся разнообразные суждения о более скромном месте Гилярова в культуре и общественной жизни эпохи. Думаю, интерес к Гилярову как мыслителю и публицисту сохранится даже если мы не будем представлять его глубокимысленным пророком и титаном Возрождения.

Подобный гиперболизм, преувеличение от почтения, проявляется и в более конкретных сюжетах.

Например, в «плутарховой» главе о Гилярове и Победоносцеве их отношения вначале неоднократно определяются как *приятельские*, потом они

дают трещину, но в итоговом заключении диссертанта они вдруг предстают едва ли не идеальной дружбой: «Думается, что, несмотря на трещину, которую дали отношения Победоносцева и Гилярова в оставшиеся последнему лет двенадцать <Так!> жизни, их идейная общность и нравственная близость при поразительной широте кругозора и энциклопедичности знаний обоих были таковы, что их хочется сравнить с теми взаимодополняющими отношениями, что соединяли, к примеру, Герцена и Огарева, Каткова и П. Леоньева...» (С. 262 – 263).

Опубликованная А. П. Дмитриевым в отдельном томе переписка, кажется, не дает оснований для столь размашистого заключения.

Аналогично в упомянутой ранее главе о Толстом рассказ о кратких отношениях и односторонней полемике (со стороны Толстого мы имеем лишь лаконичное дневниковое суждение: «Разозлил Гиляров») вдруг оборачивается «прямо враждебным отношением Толстого к Гилярову» (С. 422). Приводимые диссертантом факты не дают оснований для столь резкой оценки и параллелей с отношениями Тургенева с Гончаровым или Достоевским. Кажется, здесь не было ни той дружбы, ни той вражды.

Во-вторых, наиболее проблемным представляется параграф «3.2. Автобиографические воспоминания «Из пережитого» (1884–1887): поэтика, творческая история, прижизненная критика».

Более логичным было бы его место не в начале, а – согласно хронологии – в конце этой части.

Масштаб книги привычно завышен. Трудно согласиться с определением «Из пережитого» как «мемуарной эпопеи» и сравнением ее с Герценом (здесь есть человек, но нет большой дороги истории). И уж совсем экзотическим выглядит предложение видеть в книге Гилярова «предвозвестие будущих достижений писателей новой генерации — того же Марселя Пруста («По направлению к Свану») и Ивана Бунина («Жизнь Арсеньева»), правда, без их изысканной образности и подчас причудливо оригинальной выделки слога» (С. 325).

Однако в целом творческая история и критические отзывы о книге Гилярова анализируются с обычной для А. П. Дмитриева скрупулезностью и объективностью.

А вот анализ ее поэтики дается, скорее, не в исследовательском, а в критическом дискурсе: эмоции здесь одерживают верх над исследованием, вместо конкретных наблюдений появляются метафорический напор и филологические клише.

«...Яркие, выпуклые образы, глубокие, да леко не тривиальные мысли и задушевный тон повествования Гилярова, при сущие первоклассным художественным произведением, покоряют читателя с первых же страниц» (С. 327).

«Удивительно выразительна, красочна и своеобразна гиляровская Москва...» (С. 329).

«...Меткость и оригинальность гиляровских суждений, живописность изображения давнопрошедшего, точность психологических мотивировок и словесно-стилистическое изящество делают книгу «Из пережитого» уникальным мемуарным источником и замечательным литературным памятником» (С. 331).

Однако, стоит заметить главное: А. П. Дмитриевым вместе с коллегами книга «Из прошлого» переиздана – и тем самым открыта и для более глубоких интерпретаций.

Наконец, последнее. И в научной биографии Гилярова-Платонова, и в его общественной репутации и литературной судьбе после настоящего исследования также оставлены (или остаются?) *пробелы*, белые пятна (эта метафора есть в книге – С. 19). Именной указатель позволяет увидеть, что «незаурядный русский мыслитель» рассмотрен преимущественно изнутри, в контексте «традиционалистских направлений» в русской культуре.

Некрасов в девятисотстраничной книге упомянут 2 раза, Салтыков-Щедрин – 6 раз, Чернышевский – 6 раз, Добролюбов и Михайловский – по одному разу. Предстоит понять, есть ли это свойство исследуемого материала,

биографии Гилярова-Платонова или особенность русской культуры исследуемого периода, окупившейся в разных, почти не пересекающихся общностях славянофилов и западников, радикалов и консерваторов, идеалистов и реалистов.

Но обсуждать эту проблему можно, опираясь, в том числе, на огромный материал, введенный в оборот сегодняшним диссертантом.

Подведем итоги.

Диссертационное исследование А. П. Дмитриева «Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850 – 1880-х годов» представляет собой самостоятельное и завершенное исследование, отвечает критериям, установленным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а ее автор Андрей Петрович Дмитриев заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – русская литература), профессор кафедры истории русской литературы ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

/Сухих Игорь Николаевич/

Адрес организации: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9

Тел. 8 911 219 67 28

E-mail: igorlit50@mail.ru"

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сухих И. И.

Заместитель начальника
Управления кадров ГУОРН

Хомутская Л. П.

